



Сказание
о Ёсицунэ



Изящная классика Востока

Неизвестный автор
Сказание о Ёсицунэ

«Азбука»

XV-XVI вв.

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

Неизвестный автор

Сказание о Ёсицунэ / Неизвестный автор — «Азбука», XV-XVI вв. — (Изыщная классика Востока)

ISBN 978-5-389-32389-6

Признанный шедевр японской классической литературы в блестящем переводе Аркадия Стругацкого. «Сказание о Ёсицунэ» – роман о рыцарстве и самурайском долге, любви и чести. Знаменитый полководец, национальный герой Японии, участник грандиозных событий, определивших будущее страны на столетия вперед, он остался не просто строчкой в учебнике истории, но вошел в легенды, и его образ стал одним из ключевых в японской культуре.

Наряду с «Повестью о доме Тайра», отразившей конфликт феодальных домов Тайра и Минамото, который на долгие годы погрузил Японию в кровавый хаос гражданской войны, «Сказание о Ёсицунэ» стало откликом на эту национальную трагедию. История Минамото Ёсицунэ, доблестного воина, преданного брата, надежного друга, возлюбленного красавицы Сидзуки, живого воплощения самых лучших качеств самурая, наконец, победоносного полководца – «японского Суворова», по определению Аркадия Стругацкого, – показывает, что в такой войне не бывает победителей. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-389-32389-6

© Неизвестный автор, XV-XVI вв.

© Азбука, XV-XVI вв.

Содержание

Часть первая	8
О том, как Минамото Ёситомо бежал из столицы	8
О том, как из столицы бежала Токива	9
Как Усивака вступил в храм Курама	10
О монахе по имени Сёсимбо	12
О том, как Усивака поклонялся богу Кибунэ	14
Что рассказал Китидзи о крае Осю	16
Как Сяна-о покинул храм Курама	19
Часть вторая	21
О том, как на станции Кагами к Китидзи ворвались разбойники	21
Как над Сяна-о был совершен обряд первой мужской прически	26
О встрече с Аноским Монахом	27
О том, как Ёсицунэ спалил усадьбу Мисасаги	28
Как Исэ Сабуро стал вассалом Ёсицунэ	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32



Сказание о Ёсицунэ

###

Иллюстрации Тамамуры Ёсинори (внутренние), на вклейке представлены работы Утагавы Хиросигэ, Кацусики Хокусая, Тосиаки Накадзава и других

© А. Н. Стругацкий (наследник), перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

Часть первая

О том, как Минамото Ёситомо бежал из столицы

Когда обращаются за примерами воинской доблести к японской старине, то называют Тамуру, Тосихито, Масакадо, Сумитомо, Хосё, Райко, а когда к китайской – то Фань Куая и Чжан Ляна; но они известны нам лишь понаслышке, и воочию мы их не видели. А вот кто у нас на глазах явил миру свое боевое искусство и тем привел в изумление всех без остатка, так это не имеющий равных в нашей стране преславный полководец Куро Ёсицунэ, младший сын императорского конюшего левой стороны Ёситомо из Симоцукэ.

Оный Минамото Ёситомо, родитель предбудущего героя, вкуче с начальником воротной стражи сиятельным Фудзиварой Нобуёри в боях на улицах столицы двадцать седьмого дня двенадцатого месяца первого года Хэйдзи потерпел поражение. Все его наследственные вассалы были перебиты, и, оставшись с тремя десятками всадников, побежал он в сторону Восточных земель. Взял с собой он лишь взрослых сыновей, а малолетних детей оставил в столице. Его старшим сыном был Акугэнда Ёсихира Свирепый из Камакуры; второй сын был Томонага, паж при особе государыни, лет шестнадцати, третий же был хёэ-но скэ Ёритомо, двенадцати лет.

Акугэнду отец послал в Этидзэн с наказом искать приверженцев в Северных землях. Верно, дело не удалось, и Акугэнда укрылся в храме Исияма, что в провинции Оми, но Киёмори, прослышав о том, отправил за ним своих вассалов Сэноо и Намба-но дзиро; его доставили в столицу и казнили на берегу Камо в конце Шестого проспекта.

Брат его Томонага тоже погиб. На крутом склоне по дороге к горе Хиэй монастырский писарь по прозвищу Большая Стрела поразил его из лука в левое колено, и он скончался на почтовой станции Аохака в провинции Мино.

Кроме этих детей у Ёситомо было множество других. Одного родила ему дочь настоятеля храма Ацута в земле Овари. Мальчика назвали Каба-он-дзоси, поскольку он рос в месте, именуемом Каба, что в провинции Тотоми, впоследствии же он стал тем, кого прозвали Правителем Микавы.

Еще трех сыновей родила Токива, камеристка государыни Кудзё, и сыновья эти были Имавака, семи лет, Отовака, пяти лет, и Усивака, которому не исполнилось и года. Тайра Киёмори приказал их всех схватить и зарезать.

О том, как из столицы бежала Токива

Прослышав про это, Токива на заре семнадцатого дня первого месяца первого года Эйряку, подхватив троих сыновей своих, покинула столицу. Был у нее дальний родич по матери в Киси-но ока, что в уезде Уда провинции Ямато, и к нему явилась она, но в столь смутное время на него нельзя было положиться, и потому решила она укрыться в тех же краях в месте, именуемом Дайтодзи. Вдруг пришло известие, что матушка ее Сэкия, проживавшая в столице на улице Ямамомо, схвачена людьми из Рокухары и подвергается жестоким допросам. Узнав об этом, Токива впала в отчаяние. Ведь если спасти матушку, то надо отдать под нож троих сыновей. А если спасти сыновей, то погибнет престарелая родительница. Она извелась, рыдая о матери и мучась думой о детях, и не знала, на что решиться. Даже ради матери можно ли выдать на смерть родное дитя? Но ведь сама богиня земной тверди Кэнро благоволит к тем, кто чтит родителей превыше всего, так не послужит ли это во благо и сыновьям?

Уповая на это, взяла она троих детей своих и с горьким плачем пустилась в столицу.

Когда весть об этом дошла до Рокухары, повелели вассалам по имени Акуситибёэ Кагэкиё и Кэммоцу Таро доставить ее вместе с детьми. Мечтал Киёмори, как будет жечь Токиву в огне и топить в воде, но увидел ее – и гневное сердце его смягчилось. Токива была в ту пору первой красавицей в Японии. Когда государыня Кудзё воспылала влечением к женской прелести, повелела она созвать со всей столицы тысячу прекраснеликих дев и отобрала из них сотню, из сотни же десятков, а из десятка одну самую прекрасную, и это была Токива.

«Если только склонится она к моим желаниям, – подумал Киёмори, – тогда пощажу я троих ее сыновей, пусть даже их потомки станут врагами моим внукам». И он повелел вассалам своим Ёрикатэ и Кагэкиё поместить ее в павильоне на углу Сюдзяку и Седьмого проспекта и стеречь, сменяя друг друга, а старшим назначил Ёрикатэ. И вот Киёмори стал изо дня в день повергать к ее стопам письма. Вначале она к ним не прикасалась, но в конце концов для спасения детей уступила его желаниям. Только так смогла Токива дать сыновьям достигнуть совершенных лет.

Имавака весной своего восьмого года был послан в ученье в храм Каннон, восемнадцати лет принял постриг и стал в монашестве прозван Преподобный Господин. Затем он поселился в провинции Суруга у подножия Фудзи и хоть споспешествовал в горном храме, именуемом Ано, возвышению и славе Закона, однако стали называть его Свирепым Преподобием.

Отовака проживал на Восьмом проспекте, тоже стал он монахом, но нрава был буйного и всякий праздник в храмах ли Камо и Касуга или Инари и Гион искал схватиться с кем-либо из дома Тайра. Впоследствии он был убит в землях Токайдо у реки Суномата, когда затеял смуту его дядя Минамото Юкииэ, пребывавший в землях Кии.

Младший же Усивака рос при матушке до четырех лет, причем душевностью и благонаравием превосходил всех обыкновенных детей. Глядя на него, Киёмори не уставал повторять: «Держу в своем доме сына врага, и чем же это кончится?» – пока не отправил его в место, именуемое Ямасина, к востоку от столицы. Там в уединенном жилище, куда из поколения в поколение удалялись от мира престарелые Минамото, рос Усивака до семи лет.

Как Усивака вступил в храм Курама

Взрослели сыновья, и все тревожнее становилось на душе у Токивы. Что будет с ними? Отдать их в службу чужому роду вряд ли было достойно. В придворные они за неопытностью тоже не годились. И она решила: быть им монахами, пусть научатся читать хотя бы первый свиток сутры «Амида» и пусть молятся о благополучии духа покойного родителя. Решив так, она отправила с посыльным письмо настоятелю храма Курама пресветлому Токобо, который много лет уже был молитвенником за Ёситомо. В письме говорилось: «Вам, наверное, известно о младшем сыне Ёситомо, ребенке по имени Усивака. Дом Тайра процветает, и сердце мое в тревоге оттого, что боюсь я. Если возьмете его к себе в храм Курама, то покорно прошу – не дайте ожесточиться его душе, научите читать и заставьте выучить из сутр хоть одно слово». Пресветлый Токобо написал в ответ: «Отпрыск рода императорского конюшего будет принят здесь с радостью» – и незамедлительно послал человека за Усивакой в Ямасину. И в начале второго месяца своего седьмого года Усивака поднялся на гору Курама и вступил в храм.



После этого дни напролет вникал он в сутры и изучал китайские книги перед лицом своего наставника; солнце клонилось к западу, и ночь уходила за полночь, а они все читали, и не гасли у них светильники перед изображениями будд. Били пятаю ночную стражу, а Усивака не ведал ни дня, ни ночи, весь отдаваясь наукам.

Токобо убежден был, что ни храм на Горе, ни храм Миидэра не упомнят такого ученика. Все в нем безупречно: и ревность к ученью, и благонравие, и облик, и статья. И пресветлый Рётибо с высокомудром Какунитибо говорили: «Если только он останется столь же прилежен к наукам до двадцати лет, то суждено ему воспринять после Токобо зерно Закона Будды, и поклонятся ему люди как сокровищу бога Тамона в храме Курама». Прослышала об этом и его мать и написала Токобо такое письмо: «Ревность Усиваки к ученью радует меня. Но если станет он проситься ко мне на побывку, то прошу не отпускать, как бы он ни просил. Сколь ни велико его усердие, мирская суета может охладить его душу, и стремление к наукам осла-

беет. Так что если он соскучится и пожелает повидать свою матушку, прошу удостоить меня приглашением, и я буду к нему сама, а повидавшись, уйду восвояси». На это Токобо ответил: «Напрасно тревожитесь, учеников отпускаем в мир не часто». И Усиваку отпускали всего раз в год или в два года.

Но какому же злему духу удалось обуять столь превосходного в науках юношу? С осени пятнадцатого года усердие его к учению вдруг переменилось.

О монахе по имени Сёсимбо

Причина была такая. В храме Ракандо на углу Муромати и Четвертого проспекта жил монах. Был он потомком людей свирепых, породил его Камата Дзиро Масакиё, сын кормилицы императорского конюшего левой стороны Минамото Ёситомо. Во время мятежа Хэйдзи ему было одиннадцать лет. Тайра Тадамунэ искал зарезать его, но родич по матери, прознав про это, укрыл его у себя, а когда исполнилось ему девятнадцать и свершили над ним обряд совершеннолетия, то нарекли его именем Камата Сабуро Масатика.

В двадцать один год Масатика рассудил, что вот Минамото Тамэёси убит в мятеже Хогэн, а Минамото Ёситомо убит в мятеже Хэйдзи, потомство их прекратилось, боевая слава повержена в прах и поросла травой забвенья; что Тайра Киёмори истребил вместе с вождами Минамото и его родителя; а потому остается ему принять постриг и пуститься странствовать и в этих странствиях по землям Японии предаться подвижничеству, дабы укрепить себя в Законе Будды и возносить моления о благополучии духов покойных своих господ, а также о блаженстве души родителя в Счастливой Земле. Так рассудив, двадцати одного года он принял постриг и через Северные земли пустился в сторону Цукуси. Там занимался он науками в храме Анракудзи, что в уезде Микаса провинции Тикудзэн, но впал в тоску по родным местам, вернулся в столицу и поселился в храме на Четвертом проспекте, где продолжал усердно следовать стезей Будды. Имя его в монашестве стало Сёсимбо. И еще прозвали его Хидзири из Ракандо.

Отдыхая от усердных молений, размышлял он о процветании дома Тайра и неизменно поражался. «Как случилось, что Киёмори вознесся к должности великого министра и самые последние из его родичей сделались вельможами? Род Минамото расточен в мятежах Хогэн и Хэйдзи, взрослые вырезаны, малолетние сосланы кто куда и о них ни слуху ни духу. Эх, если бы какой-нибудь счастливый в прошлом рождении и могучий духом Минамото затеял сейчас смуту! Я бы помчался его гонцом куда угодно сеять мятеж, – вот мое заветное желание!» Так размышлял Сёсимбо. Он пересчитывал, загибая пальцы, Минамото, затаившихся в разных провинциях.

«В провинции Кии – Сингу-но Дзуро Юкииэ. В провинции Кавати – Исикава-но ханган Ёсиканэ. В землях Цу – Тада-но курандо Юкицуна. В столице – Гэнсамми Ёримаса и Кё-но кими Энсин. В провинции Оми – Сасаки Гэндзан Хидэёси. В провинции Овари – Каба-но кандзя Нориери. В крае Тосэндо – Кисо-но кандзя Ёсинака. В провинции Суруга – Свирепое Преподобие. В провинции Идзу – хёэ-но скэ Ёритомо. В провинции Хитати – Сидано Сабуро Сэндзё Ёсинари и Настоятель Сатакэ Масаёси. В провинции Кодзукэ – Тонэ и Агацума. За многими далями они отсюда, и надежда на них плохая. А вот совсем поблизости от столицы, в храме Курама, пребывает господин Усивака, младший сын императорского конюшего. Хорошо бы навестить его, и если духом он тверд, то пожелает мне письмо, с которым отправляюсь я в провинцию Идзу к господину нашему хёэ-но скэ Ёритомо, и тогда, собравши всех Минамото, какую же смуту учиним мы по всей земле!» В конце концов, хоть и была тогда самая пора летнего затвора, покинул он храм на Четвертом проспекте и поднялся на гору Курама.

Когда предстал он перед кельей настоятеля, о нем доложили:

– Явился Хидзири из Ракандо.

– Намерен затвориться на лето в Курама? – осведомился Токобо.

– Воистину, – был ответ.

– Ну что ж... – произнес Токобо, и Сёсимбо поместили у него в келье.

Никто не знал, что Сёсимбо прячет под рясой меч, а в душе таит злые помыслы.

И вот однажды ночью, когда все затихло, он прокрался к Усиваке и зашептал ему на ухо:

– Господин, по неведению вы, может быть, не думали об этом до сей поры, но ведь вы – сын императорского конюшего левой стороны, десятого потомка императора Сэйва, и это

говорю вам я, сын Каматы Дзиро Масакиё, молочного брата вашего отца! Не гложет ли душу вашу, что все из рода Минамото прозябают в ссылке по дальним землям?

Поначалу Усивака преисполнился недоверия. «Ныне в мире процветает дом Тайра, – подумал он. – Так не заманивают ли меня в ловушку?» Тогда Сёсимбо подробно поведал ему о деяниях Минамото из поколения в поколение, и вдобавок, хотя самого его Усивака не знал, слышать о нем ему приходилось.

– Нельзя, чтобы нас увидели вместе, – сказал он. – Встретимся где-нибудь потом.

И повелел Сёсимбо возвратиться в столицу.

О том, как Усивака поклонялся богу Кибунэ

После встречи с Сёсимбо юный Усивака начисто забыл о науках и от зари до зари думал только о мятеже.

В таком предприятии, как мятеж, не обойтись без знания военного дела и без телесной силы и ловкости. Усивака решил начать с телесных упражнений, однако вокруг Токобо всегда было множество людей, и тут ничего не получалось. Между тем в горах Курама есть место, именуемое долиной Епископа. В стародавние времена какие-то люди, забытые ныне, поклонялись явившемуся там светлому божеству Кибунэ, подателю дождя, прославленному многими чудесами. Туда совершали паломничества отринувшие суету подвижники, не смолкал там звон молитвенных колокольцев, а поскольку службы там правили жрецы истовые, то непрерывно звучали барабанчики цудзуми священных плясок микагура и голоса колокольчиков, коими потрясали жрицы-кинэ, отверзали людям духовные очи. Многие чудеса являлись там миру, но потом мир приблизился к концу, совсем мало стало спасительной силы будд и чудодейства богов; храмы пришли в запустение и сделались обиталищем ужасных тэнгу, и, когда солнце склонялось к закату, слышались там раздирающие вопли мстительных духов. И никто больше не искал там прибежища от мирской суеты.

Усивака же, прослышав, что есть такое место, этим стал пользоваться. Днем он делал вид, будто занимается науками, а по ночам, ни словом не обмолвившись даже давним своим, можно сказать, братьям среди монахов, облачался в панцирь, подаренный ему настоятелем на случай защиты от врагов, препоясывался мечом с золотой отделкой и в полном одиночестве шел к храму Кибунэ. Там возносил он моление: «О всемилостивый и всеблагий бог Кибунэ и великий бодхисатва Хатиман! – восклицал он и складывал ладони. – Обороните род Минамото! Если исполнится по заветному желанию моему, построю я для вас знатное святилище, изукрашенное драгоценными камнями, и присовокуплю к нему тысячу тё земли!» Произнеся этот обет, он отступал от храма и удалялся к юго-западной стороне долины.

Там нарекал он кусты вокруг себя войском дома Тайра, а бывшее там огромное дерево нарекал самим Киёмори, обнажал меч и принимался рубить направо и налево. А затем извлекал он из-за пазухи деревянные шары вроде тех, какими играют в гиттё, подвешивал их к ветвям и один называл головой Сигэмори, а другой вешал как голову Киёмори. Когда же наступал рассвет, он незаметно возвращался к себе и ложился, накрывшись с головой. И никто ничего не знал.

Случилось, однако, так, что бывший у него в услужении монах по имени Идзуми приметил в его поведении странное и стал за ним следить не спуская глаз. И вот однажды ночью он скрытно увязался за Усивакой, спрятался в кустарнике и все увидел, а увидев, поспешно вернулся в храм Курама и доложил настоятелю Токобо.

Пресветлый пришел в великое смятение, сообщил обстоятельства пресветлому Рётибо и повелел монахам обрить Усиваке голову. Услышав это, Рётибо возразил:

– Обрить мальчику голову просто, но мальчик мальчику рознь. Этот столь усерден в учении и прекрасен лицом, что жалко понуждать его к пострижению в нынешнем году. Обреем его весной будущего года!

– Всякий расстанется с миром в сокрушении душевном, – ответил настоятель. – Но раз обнаружился в нем такой дух лени и своеволия, медлить нельзя и ради нас, и ради него самого. Ступайте и обрейте его!

Однако Усивака взялся за рукоять меча и объявил:

– Любого, кто подойдет брить меня, кто бы он ни был, я проткну насквозь.

Понятно было, что к нему так просто не подступиться. И сказал высокомудрый Какунитибо:

– Здесь собирается на проповеди множество людей, они отвлекают его, и потому науки не идут ему на ум. А моя келья поодаль, и у меня в тишине он смог бы учиться без помех.

Видимо, сжалился и Токобо. «Ну, разве что так...» – произнес он и отдал Усиваку под надзор высокомудрого. Ему переменили имя и назвали Сяна-о. С той поры он больше не ходил поклоняться Кибунэ, однако стал ежедневно уединяться в святилище храма и молиться богу Тамону об успехе мятежа.

Что рассказал Китидзи о крае Осю

Так пришел к концу год, и Сяна-о исполнилось шестнадцать лет. На исходе ли первого месяца или в начале второго, когда он однажды по обыкновению возносил моления перед Тамоном, появился там некий удачливый купец из столицы с Третьего проспекта. Звали его Китидзи Мунэтака, был он скупщиком золотого песка и каждый год ходил по этому делу в край Осю, и поскольку почитал храм Курама, то молитвы о своих торговых удачах тоже обращал к Тамону. Увидев юного Сяна-о и присмотревшись, он сказал себе: «До чего же красивый мальчик! И наверное, из знатного рода! Но если он из родовитых, то при нем должно бы состоять множество служек, а он один. Уж не сына ли императорского конюшего левой стороны встретил я ныне в этом храме? Ведь говаривал же Фудзивара Хидэхира, правитель края Осю: „В горном храме Курама пребывает один из сыновей императорского конюшего. Киёмори зажал в своем кулаке шестьдесят четыре провинции Японии из шестидесяти шести и теперь зарится на последние две, но, если бы прибыл ко мне один из молодых Минамото, я бы учинил ему ставку в уезде Иваи, поставил бы двух своих сыновей править моими двумя провинциями, сам же до самой смерти оставался бы верным наместником и вассалом рода Минамото. Вот тогда я взирал бы на мир свысока, словно орел с небес!“» Так говорил Фудзивара Хидэхира. И Китидзи подумал, что, если бы удалось ему похитить и представить Хидэхире этого мальчика, вознаграждение за такой труд было бы весьма щедрым. И он почтительно обратился к Сяна-о:

– К какой из столичных фамилий вы изволите принадлежать, господин? Я-то ведь житель столицы, только каждый год хожу в край Осю скупать там золото. Не изволите ли знать кого-либо в тех местах?

– Я из глухой деревни, – кратко ответил Сяна-о.

«Этот молодчик, – подумал он, – это же, наверное, всем известный скупщик золота Китидзи. Он должен хорошо знать землю Осю, и почему бы мне не расспросить его?»

– Как велика страна Осю? – осведомился он.

– Преогромная страна, – сказал Китидзи. – Граница между ней и Хитати проходит по заставе Кикута, а внутри ее, между провинциями Дэва и Муцу, по заставе Инаму. В ней пятьдесят четыре уезда, а вместе с двенадцатью уездами Дэва в обеих провинциях их шестьдесят шесть.

– И много ли силы может выставить она в случае схватки между Минамото и Тайра?

– Хорошо знаю те края, – произнес Китидзи. – Все расскажу, ничего не скрою.

И вот что он рассказал.

В стародавние времена Страной Двух Провинций правил военачальник Ока-но Таю, а после него править стал его единственный сын по имени Абэ Гон-но ками, у которого сыновей выросло много: старший Куриягава-но Дзиро Садато; второй Ториуми-но Сабуро Мунэто; затем Иэто, Морито и Сигэто; шестой, и последний, его сын звался Сакаи-но кандзя Рёдзо. Этот Рёдзо был хитроумным, умел напускать осеннюю мглу и творить весенние туманы, а когда наступали враги, мог по целым дням прятаться на дне реки или в морских волнах. Все братья были высокого роста: Садато – девять сяку пять сунов, Мунэто – восемь сяку пять сунов, и никто из остальных не был ниже восьми сяку, но и среди них выделялся Рёдзо ростом в один дзё и три суна.

Пока еще жив был Абэ Гон-но ками, императорские повеления и рескрипты почтительно исполнялись, правитель ежегодно являлся в столицу и никогда не навлек на себя неудовольствия государя. После же смерти Гон-но ками все Абэ стали выказывать неповиновение воле императора. Однажды, получив рескрипт, они ответили, что лишь в том случае явятся всеподданно в столицу, ежели возместят им половину расходов на дорогу через семь провинций Хокурокудо туда и обратно. При дворе держали совет и определили: «Неповиновение высо-

чайшей воле. Надлежит послать военачальника из Минамото или Тайра и покарать ослушников». Указали Минамото Ёриёси, прапрадеда убиенного императорского конюшего, и он во главе войска в сто десять тысяч всадников двинулся в Муцу, дабы покарать Абэ.

Когда его передовой отряд под командой Такахаси-но Окура-но Таю из Суруги вступил в пределы провинции Симоцукэ и достиг места, именуемого Ирикоти, Абэ Садато, узнав об этом, оставил свой замок Куриягава и возвел укрепления в уезде Адати, имея за спиной гору Ацукаси, после чего выдвинулся в долину Юкигата и стал ждать там войско Минамото.

Такахаси во главе пятидесяти тысяч всадников прошел через заставу Сиракава, достиг долины Юкигата и напал на Садато. В тот день войска Абэ потерпели решительное поражение и отступили к болоту Асака. Они засели на горе Ацукаси в уезде Датэ. Войска же Минамото заняли позицию у деревни Синобу по реке Суруками, и там они сражались изо дня в день в течение семи лет.

Все сто десять тысяч всадников Минамото были повыбиты, Ёриёси понял, что с делом не справился, вернулся в столицу и доложил во дворце:

– Я не справился.

– Коль ты не справился, пошли вместо себя замену, пусть поторопится разгромить врага, – сказали ему и пожаловали новый указ.

Ёриёси поспешил в свой дворец Хорикава на Шестом проспекте и послал вместо себя своего тринадцатилетнего сына. И сына спросили:

– Как тебя зовут?

– Прозвали меня Три Дракона, – ответил тот, – потому что я родился в час Дракона дня Дракона года Дракона. А имя мое Гэнта.

И вышло повеление:

– Поскольку не было еще примера, чтобы военачальником назначили кого-либо без чина, совершить над ним обряд первой мужской прически!

И обряд был совершен в храме бога Хатимана вассалом Ёриёси, которого звали Готонай Нориакера; при этом Гэнта получил имя Хатиман Таро Ёсииэ. Тут же были ему высочайше пожалованы воинские доспехи, те самые прославленные «пеленки Гэнта».

Ёсииэ поручил передовой отряд своему вассалу Титибу-но Дзюро Сигэкуни и двинулся в Осю. Снова войска Минамото ринулись на крепость Ацукаси, и снова их постигла неудача. Убедившись, что дела плохи, Ёсииэ отправил в столицу спешного гонца. Он доложил обстоятельства и посетовал, что повинно в них несчастливое наименование годов правления. Двор переименовал текущий год начальным годом правления под девизом Кохэй – Покой и Мир.

Двадцать первого дня четвертого месяца этого года укрепления Ацукаси пали. Войска Абэ отступили через перевал Сикарадзака, бежали через заставу Инаму и засели в уезде Могами. Минамото продолжал наносить им удар за ударом, и они откатились за горы Окати и укрепились в замке Канадзава, что в уезде Сэмбуку.

Там они отбивались год или два, но вот Камаку-ра-но Гонгоро Кагэмаса, Миура-но Хэйдаю Тамэцуги и Окура-но Таю Митто отчаянным и беззаветным приступом взяли и этот замок. Войска Абэ отступили через перевал Сироки и засели в замке Коромогава. Тамэцуги и Кагэмаса вновь ударили по ним, и врагу пришлось уйти в замок Нуко города Куриягава.

Двадцать первого дня шестого месяца третьего года Покоя и Мира облаченный в красно-оранжевый шелк Абэ Садато был тяжело ранен и пал на равнине Ивадэ. Его младший брат Мунэто был взят в плен. Великана Сакаи-но кандзя Рёдзо взял живьем и тут же прирезал Готонай Нориакера.

Минамото Ёсииэ поспешил в столицу и удостоился высочайшей аудиенции, имя же его пребудет в веках. Чинить в Осю суд и порядок поставили участника похода Фудзивару Киёхиру, одиннадцатого потомка Фудзивары Фухито. Поскольку пребывал он там в уезде Ватари, прозвали его также Ватари-но Гонда Киёхира. Он крепко взял в руки Страну Двух Провинций,

и была под его началом в четырнадцати соплеменных отрядах сила в пятьсот тысяч конных лучников. У правнука же его и нынешнего правителя земель Осю Фудзивары Хидэхиры сто восемьдесят тысяч всадников из верных вассалов. И если Минамото поднимут мятеж, Хидэхира непременно выступит на их стороне.

Так заключил свой рассказ Китидзи.

Как Сяна-о покинул храм Курама

Выслушав это, Сяна-о подумал: «Все именно так, как мне приходилось слышать раньше, у Хидэхиря большая сила. Ах, как мне хотелось бы к нему! Если можно будет на него твердо положиться, то из ста восьмидесяти тысяч всадников сто тысяч я оставлю ему, а сам во главе восьмидесяти тысяч двинусь в Канто, эти Восемь Провинций сердечно преданны роду Минамото. Императорский конюший, мой родитель, был правителем провинции Симоцукэ. Начну с нее и наберу в Канто сто двадцать тысяч всадников, так что у меня будет уже двести тысяч. Из них сто тысяч я почтительно предоставлю брату и господину моему хёэ-но скэ Ёритомо в провинции Идзу, а остальные сто тысяч отдам моему двоюродному брату Кисо Ёсинаке в землях Тосэндо. Сам же я перейду в провинцию Этиго и соберу силы, затаившиеся по поместьям Укава, Собаси, Канадзу и Окуяма, затем переманю на свою сторону войска в провинциях Эттю, Ното, Кага и Этидзэн, и, когда у меня станет сто тысяч всадников, я ринусь через горы Арати в западную Оми и выйду к бухте Оцу. Там я дождусь двухсоттысячного войска из Канто, и через заставу Встреч – Осака-но сэки – мы войдем в столицу. Сто тысяч всадников мы приведем ко дворцу царствующего государя, сто тысяч – ко дворцу государя-монаха, сто тысяч – к резиденции канцлера, и я почтительно доложу, что Минамото не сидят сложа руки. Ну а если Тайра все-таки останутся процветать в столице и сил Минамото окажется мало, то что ж! Жизнь свою я почтительно преподнесу родителю моему Ёситомо, имя свое я оставлю будущим векам, и пусть мой труп выставляют на обозрение перед дворцом государя, – жалеть мне уже будет не о чем».

Да, грозные замыслы лелеял он уже в свои шестнадцать лет!

«Пожалуй, этому человеку можно довериться», – подумал он, а вслух произнес:

– Так и быть, откроюсь тебе. Только смотри никому не проболтайся. Я – сын императорского конюшего левой стороны. Хочу передать с тобой письмо к Хидэхире. Когда доставишь ответ?

Китидзи соскользнул с сиденья и распростерся перед Сяна-о, коснувшись земли верхушкой шапки эбоси.

– Господин Хидэхира изволил говорить мне о вашей милости, – проговорил он. – Чем посылать письмо, пожалуйста к нему сами. О ваших удобствах в пути я позабочусь.

И Сяна-о подумал: «Ожидая ответа на письмо, я изведусь. Отправлюсь лучше вместе с ним».

– Когда ты трогаешься? – осведомился он.

– Завтра как раз благоприятный день. Поэтому совершу только обычный предотъездный обряд – и послезавтра непременно в путь.

– Коли так, буду ждать тебя на выезде из столицы в Аватагути перед храмом Дзюдзэндзи.

– Слушаюсь, – сказал Китидзи и удалился из храма.

А Сяна-о воротился в покои настоятеля и стал скрытно от всех готовить себя в дорогу. С далекой своей седьмой весны и до нынешних шестнадцати лет привык он проводить здесь дни и ночи с любимым наставником, который по утрам развеивал туманы его сомнений, а по вечерам раскрывал перед ним звездные небеса, и теперь при мысли о разлуке, как ни сдерживал себя Сяна-о, его душили слезы.

Но знал он, что если ослабнет духом, то ничего у него не получится, и потому на расвете второго месяца четвертого года Дзёан – Унаследованного Покоя – навсегда покинул гору Курама. Накануне он облачился в нижнее кимоно из некрашеной ткани и еще в кимоно из китайского узорчатого атласа, поверх него – в легкое кимоно из бледно-голубого харимского шелка, в широкие белые шаровары и куртку из китайской парчи в пять разноцветных нитей с шестой золотой; под куртку поддел даренный настоятелем панцирь, препоясался коротким

мечом с рукоятью и ножами, крытыми синей парчой, и боевым мечом с золотой отделкой; слегка напудрил лицо, навел черной краской тонкие брови и сделал высокую прическу с двумя кольцами надо лбом. Так в сиротливом одиночестве приготовился он в путь, и ему подумалось: «Когда другой явится в храм и займет здесь мое место, пусть помянет со скорбью меня возлюбленный мой наставник!» Он взял бамбуковую флейту и играл около часу, а затем, оставив в прощальный дар лишь эти звуки, плача и плача, покинул гору Курама.

Этой же ночью он объявился на Четвертом проспекте в жилище Сёсимбо и сказал ему, что отправляется в край Осю.

– Я с вами на удачу и на беду! – воскликнул Сёсимбо и принялся было собираться.

Однако Сяна-о остановил его:

– Ты останешься в столице, будешь следить, что затевают в доме Тайра, и сообщать мне. И Сёсимбо послушно согласился остаться в столице.

После этого Сяна-о пошел в Аватагути. Сёсимбо все-таки увязался проводить его, и они вдвоем стали ждать Китидзи близ храма Дзюдзэндзи. Глубокой ночью Китидзи вышел из столицы и вступил в Аватагути. Впереди него шли два десятка с лишним лошадей, навьюченных разнообразным добром. Был он в отменном дорожном наряде: куртка, украшенная пятнами от персимонового сока и набивным узором из переплетающихся цветов и трав, и верховые нащтанники из звериной шкуры короткой и густой шерстью наружу. Он восседал в рогатом седле на гнедом жеребце с рыжей гривой и рыжим хвостом, а для Сяна-о вел в поводу каурого коня под черным лакированным седлом, осыпанным золотой пылью, и вез нащтанники из пятнистой оленьей кожи.

– Так ты не забыл, что мы договорились? – произнес Сяна-о.

Китидзи поспешно слетел с седла, подвел коня и поддержал стремя. Он был сам не свой от радости, что ему привалило этакое везенье. А Сяна-о сказал ему:

– Будем гнать коней, пока у них не лопнут жилы. На вьючных лошадей не оглядываться. Я совершаю побег. Когда хватятся, что меня нет в храме, станут искать в столице. Когда доищутся, что меня нет и в столице, кинутся за мной в земли вдоль моря – Токайдо. Если настигнут до горы Сурихари, то прикажут вернуться. Отказ был бы нарушением долга и морали, на это я пойти не могу, а если ворочусь в столицу, попаду в руки врагов. Главное для нас – пройти через заставу Асигара, а уж Восточные земли сердечно преданны роду Минамото. Там мы с полуслова получим на почтовых станциях новых лошадей. Когда же пройдем заставу Сиракава, то дальше начнутся места, где правит Хидэхира, и пусть тогда льют дожди и воют ветры – нам будет все нипочем!

Слушая это, Китидзи поражался: «Экий страх! У него нет ни единого борзого скакуна, при нем нет ни единого бесстрашного вассала, а он мнит брать лошадей в землях, где ныне правят его враги!»

Но он выказал повиновение и погнал лошадей, и они промчались по дороге Мацудзака, проскочили заставу Встреч, миновали бухту Оцу по берегу, проехали через Китайский мост над рекой Сэта и, не останавливаясь ни на миг, достигли почтовой станции Кагами. Хозяйкой увеселений там была старая знакомая Китидзи; она вывела к путникам множество «разрушительниц крепостей».

Часть вторая

О том, как на станции Кагами к Китидзи ворвались разбойники

Поскольку столица была рядом, Китидзи из опасения чужих глаз засадил Сяна-о между девицами на самое дальнее и последнее место, хотя и страдал при этом от неловкости. Дважды или трижды обменявшись с Китидзи чашками сакэ, хозяйка ухватила его за рукав и сказала:

– Вы проезжаете этой дорогой каждый год или раз в два года, но никогда прежде не было при вас этого хорошенького мальчика. Он вам родственник или просто попутчик?

– Не родственник и не попутчик, – ответил Китидзи.

По щекам хозяйки полились слезы.

– За свою жизнь я претерпела немало невзгод и повидала немало печальных дел, – говорила она, – но одно событие давних лет я помню, словно сейчас. Этот благородный юноша внешностью и повадками точь-в-точь такой же, как паж при особе государыни Томонага, второй сын императорского конюшего. Должно быть, вы уговорили его ехать с вами. После мятежей Хогэн и Хэйдзи отпрыски рода Минамото сосланы по разным местам. Если молодой господин, войдя в возраст, задумает великое дело, то замолвите за меня словечко, везите его сюда. А то ведь, как говорится, у стен есть уши, у камней – языки. Алый цветок и в саду не спрячешь.

– Не выдумывай, – возразил Китидзи. – Это всего лишь мой душевный дружок.

Тогда хозяйка со словами: «Пусть же люди говорят, что угодно» – поднялась на ноги и, потянув юношу за рукав, пересадила на почетное место. А когда наступила ночь, она увела его к себе. Китидзи, порядочно выпив, заснул. Улегся почивать и Сяна-о.

В самую полночь этой ночью на станции Кагами случилось великое смятение. В том году страну постиг голод, и вот гремевший в землях Дэва предводитель разбойников Юри-но Таро и знаменитый в провинции Этиго Бродячий Монах Фудзисава из уезда Кубики сговорились и перешли в провинцию Синано. Там к ним присоединился Саку-но Таро, сын временного начальника в Саку; в провинции Каи к ним пристал временный начальник Яцусиро, в Тотоми – Правитель Кадзуса, в провинции Суруга – Окицуно Дзюро, в Кодзукэ – Тоёока-но Гэмбати, все прославленные грабители из самурайских родов. Собралось их двадцать пять шаек силой в семьдесят человек, и предводители рассудили так: «В землях Токайдо взять нынче нечего. Лучше пройдемся-ка по горным селениям, тряхнем зажиточных смердов, напоим наших молодцов веселым вином, потом погуляем в столице, а как пройдет лето и задуют осенние ветры, разойдемся по домам через северные провинции». И вот уже они осторожно двигались к столице, стараясь не попадаться людям на глаза.

Как раз в ту ночь они остановились в доме по соседству с особняком хозяйки почтовой станции Кагами.

И сказал Юри-но Таро Бродячему Монаху Фудзисаве:

– В заведении у здешней хозяйки ночует известный в столице скупщик золота Китидзи. Он на пути в край Осю, и при нем много ценного товара. Что сделаем?

Бродячий Монах Фудзисава вскричал:

– Вот уж воистину, братец, «при попутном ветре да еще и парус, при попутном течении да еще и шест»! Налетим, отберем товар у этого мерзавца, будут деньги на вино у наших молодцов!

Полдужины матерых негодяев облачились в панцири, запалили полдужины пропитанных маслом факелов и подняли над головами, и, хотя снаружи была темнота, под крышей стало

светло как днем. Во главе встали Юри-но Таро и Бродячий Монах Фудзисава, а всего их пошло на дело семеро. На Юри-но Таро был желто-зеленый шнурованный панцирь в мелкую пластину поверх желто-зеленого боевого наряда из китайской ткани и заломленная шапка эбоси, подвязанная тесьмой у кадыка; в руке он сжимал боевой меч длиной в три сяку пять сунов. Фудзисава же был облачен в плетеные кожаные доспехи черного цвета поверх темно-синего платья и шлем; имел он при себе крытый черным лаком меч в ножнах из медвежьей шкуры шерстью наружу и огромную алебарду. Они ринулись на особняк хозяйки в середине ночи, вломились в комнату для прислуги, глянули – никого. Ворвались в гостиную, глянули – никого. Что такое? И они понеслись по дому, разрубая бамбуковые шторы и полосуюя раздвижные перегородки.

Китидзи перепугался и вскочил как встрепанный. Может быть, нагрянули Четверо Небесных Царей? Он не знал, что это грабители явились за его богатствами, и ему представилось, будто в Рокухаре провели о том, что он переправляет Минамото в край Осю, и прислали покарать его. Бросив все, он согнулся в три погибели и пустился стремглав наутек.

Увидев это, Сяна-о подумал: «На кого нельзя полагаться, так это на простолюдина. Будь это какой-никакой самурай, он бы так не поступил. Ну что ж, раз уж я покинул столицу, отдам свою жизнь за покойного родителя. Труп мой выставят на этой станции Кагами, только и всего». Он натянул штаны и облачился в панцирь, подхватил под мышку меч, намотал на голову свое нижнее кимоно из желтого китайского атласа и через раздвижную перегородку выскочил из комнаты. Укрывшись за ширмой, он стал с нетерпением ждать, когда же наконец появятся эти восьмеро бандитов. И они явились, вопя: «Хватай мерзавца Китидзи!»

Они не знали, что за ширмой кто-то есть, но вот подняли факелы, и несказанная прелесть открылась их взорам. Лишь вчера покинул гору Курама этот ученик, чья красота прославилась от монастырей древней Нары до храмов горы Хиэй; при взгляде на его безупречную белую кожу, на искусно вычерненные зубы, на голову, увенчанную, как подобало бы даме, пестрым атласом, вспоминалась прекрасная Мацура Саёхимэ, что год напролет махала со скалы косынокой вслед уплывшему на чужбину мужу; и смазавшиеся во сне линии бровей являли вид такой, словно смазал их ветерок от взмахов соловьиных крыльев. Будь это в правление императора Сюань-цзуна, его звали бы Ян Гуйфэй. Во времена Хань Уди его путали бы с красавицей Ли.

Грабители не знали, сколь страшен этот юноша. Решив, что это всего лишь «разрушительница крепостей», с которой коротал ночь Китидзи, они отпихнули его за ширму и двинулись дальше. Сяна-о подумал: «Что толку жить, если тебя не считают достойным противником? Сколь прискорбно будет, если скажут когда-нибудь, что вот-де сын Ёситомо по имени Усивака, замыслив мятеж и отправившись в край Осю, встретил по пути на станции Кагами разбойников и убоился за свою бесполезную жизнь, а потом еще, глядите-ка, замышлял против самого Тайра Киёмори!» И еще он подумал: «Мне ли бежать от боя?», выхватил из ножен меч, бросился вслед за разбойниками и очутился между ними. Они шарахнулись в разные стороны, но Юри-но Таро, увидев его, вскричал:

– Да что вы так оторопели? Просто это не девка, а мужчина, да еще какой удалой!

Думая покончить бой одним взмахом меча, он отклонился назад и рубанул со всей силой. Но был он весьма высокого роста, да и меч у него был длинный, и острие увязло в досках потолка. И пока он тужился вытянуть меч, Сяна-о яростно ударил своим коротким мечом и отсек ему левую ладонь вместе с запястьем, а возвратным взмахом снес ему голову. Так погиб Юри-но Таро двадцати семи лет от роду.

Увидев это, Бродячий Монах Фудзисава взревел:

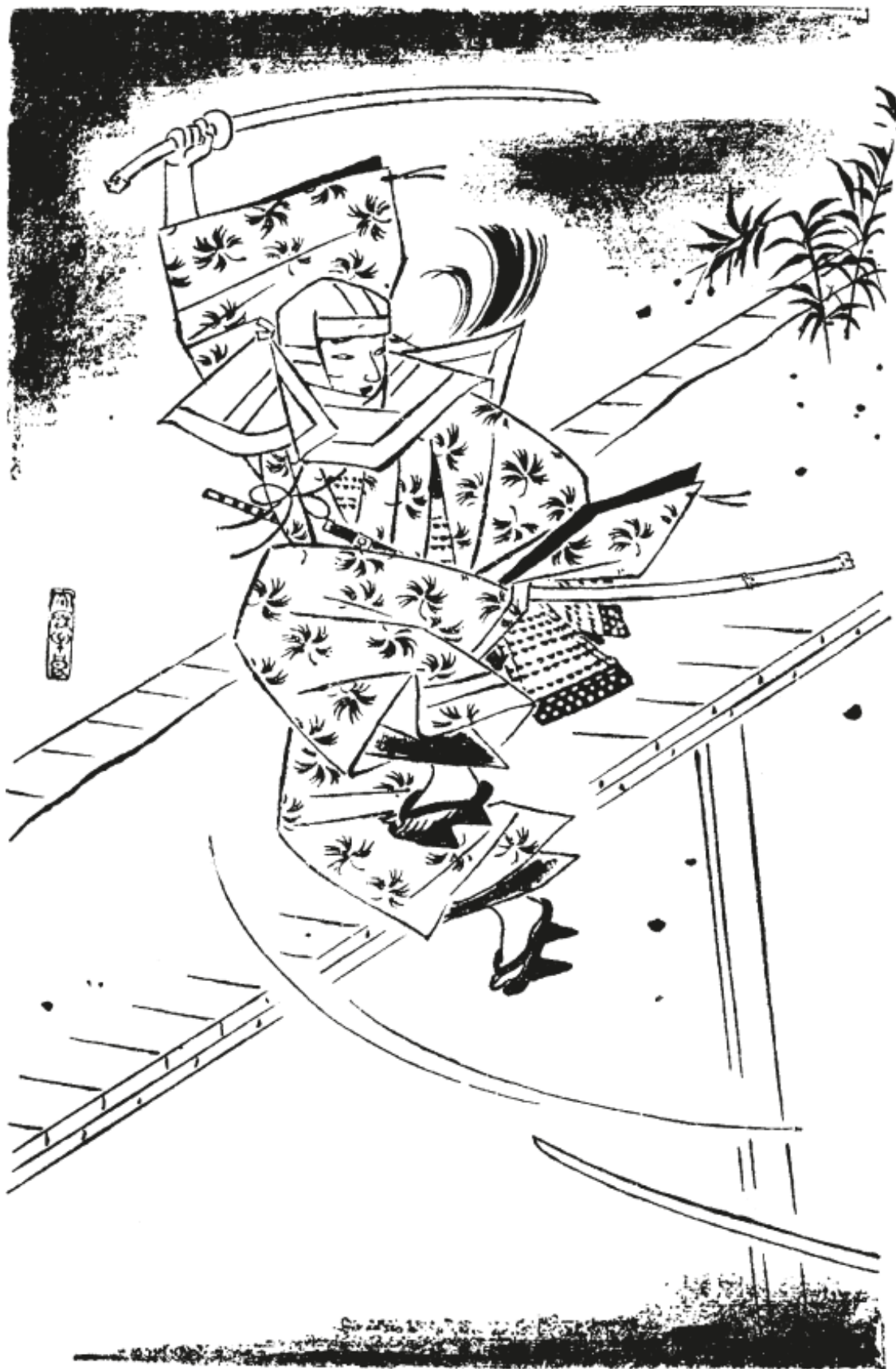
– Да что же это делается такое?

Взмахнув алебардой, он бросился на Сяна-о. Тот встретил его не дрогнув, и они принялись осыпать друг друга ударами. Фудзисава перехватил алебарду за самый конец рукояти и сделал глубокий выпад. Сяна-о, увернувшись, прыгнул вперед. Меч его был воистину знаменитым сокровищем, взмах – и алебарда с перерубленным древком упала на пол. Фудзисава

схватился за меч, но обнажить не успел. Новый взмах – и лицо его рассеклось пополам от шлема до подбородка. Так он погиб сорока одного года от роду.

Китидзи, наблюдая это из укромного местечка, подумал: «Поразительные дела творит этот юноша! И как бы он не счел меня презренным трусом!» Он побежал к своей постели, облачился в панцирь, распустил и растрепал узел волос на макушке и, обнаживши и взяв к плечу меч, присоединился к Сяна-о. Размахивая факелами, оброненными разбойниками, они выбежали в сад перед домом. Враги бросились наутек, но Сяна-о догонял их и рубил, догонял и рубил, и вот уже пятеро матерых злодеев пали мертвыми. Двое раненых бежали. За одним из них Сяна-о погнался, но не догнал. Остальные разбойники, услышав из-за стены, что творится, поспешили укрыться в ночи на горе Кагами. Всю эту ночь на станции никто не спал, а когда рассвело, головы пяти разбойников, связанные в четки, были вывешены на всеобщее обозрение к востоку от станционных построек. К ним имелось извещение, которое гласило:

Прежде вы только слышали, а ныне смотрите своими глазами! Кто был тот путник, который предал смерти Юри-но Таро из Дэва, Бродячего Монаха Фудзисаву из Этиго и их сообщников, а всего пятерых? Судьба соединила его со столичным скупщиком золота Китидзи. Это его первое дело, и совершено оно в возрасте шестнадцати лет. Если хотите узнать о нем больше, обратитесь к Токобо в храме на горе Курама. Писано четвертого дня второго месяца четвертого года Дзёан.



А потом люди долго шептались боязливо, что это не иначе как выступил в путь кто-то из рода Минамото.

Утром они выехали из Кагами. По дороге Китидзи всячески старался услужить Сяна-о. Они перевалили через гору Оно-но-Сурихари в Оми, проехали почтовые станции Бамба и Самэгами и к вечеру, изрядно припозднившись, достигли станции Аохака в провинции Мино. Некогда Ёситомо удостоил своей благосклонности тамошнюю хозяйку, и там же поблизости был похоронен его второй сын Томонага, паж при особе государыни. Справившись, где его могила, Сяна-о всю ночь читал над покойным братом «Лотосовую сутру», а на рассвете соорудил деревянное надгробье сотоба и собственноручно начертал на нем надпись санскритскими знаками. Затем, отслужив заупокойную службу, они тронулись дальше. Полюбовались в пути на заре рошей вокруг горного храма Коясу, а на третий день достигли храма Ацута в провинции Овари.

Как над Сяна-о был совершен обряд первой мужской прически

Прежний главный настоятель храма Ацута был тестем Ёситомо. Нынешний главный настоятель был шурином. По соседству с храмом, в месте, именуемом Мандокоро, пребывала и вдова Ёситомо, матушка его третьего сына хёэ-но скэ Ёритомо. Чтя в них память о родителе, Сяна-о послал Китидзи уведомить о себе. Тотчас же главный настоятель отрядил людей встретить его и оказать подобающее гостеприимство. Сяна-о хотел продолжать путь на следующий день, однако его всячески упрашивали и разными предложениями удерживали, так что пришлось ему пробыть в храме Ацута три дня.

И Сяна-о сказал Китидзи:

– Мне претит ехать в край Осю мальчишкой. Я желаю прибыть туда в шапке эбоси, как подобает взрослому мужчине. Пусть совершат надо мною, хотя бы и наскоро, обряд первой мужской прически. Можно это устроить?

– Постараюсь, чтобы ваша милость были довольны, – отвечивал Китидзи.

Шапку эбоси представил главный настоятель. Он сделал Сяна-о мужскую прическу и возложил шапку ему на голову. Тогда Сяна-о сказал:

– Вот явлюсь я в таком виде в край Осю, и Хидэхира спросит, как меня зовут. Мне придется ответить: «Сяна-о». Но ведь это не имя для мужчины, над которым совершен обряд, и Хидэхира, чтобы переменить его, непременно предложит мне совершить обряд полностью. А ведь Хидэхира происходит от наших наследственных вассалов, так что это может вызвать нарекания. Поэтому полный обряд надо мною будет совершен здесь, перед великим и пресветлым божеством Ацута, а также перед матушкой братьев моих хёэ-но скэ Ёритомо и Каба-но Нориёри. Так я решил.

Сосредоточившись и очистившись, предстал он перед великим и пресветлым божеством. Главный настоятель был рядом с ним.

И сказал юноша, обращаясь к Китидзи:

– Много детей у моего отца, императорского конюшего левой стороны. Старший сын – Акугэнда Ёсихира; второй сын – Томонага, паж при особе государыни; третий сын – хёэ-но скэ Ёритомо; четвертый сын – Каба-но Нориёри; пятый сын – Дзэндзи-но кими; шестой сын – Свирепое Преподобие; седьмой сын – Кё-но кими; я же должен был бы называться Хатири, то есть восьмым сыном, однако не подобает мне равняться с моим дядей Татэтомо, который прославил свое боевое прозвище Хатири из Тиндзэя в дни мятежа Хогэн. Звание последнего в роду меня не печалит, и пусть прозвище мое будет Сама-но Куро, или девятый сын императорского конюшего. Что же до истинного имени, то деда моего звали Тамэёси, отца – Ёситомо, старшего брата – Ёсихира, а меня нареките Ёсицунэ.

Вчера еще он звался Сяна-о, а сегодня сменил имя на Сама-но Куро Ёсицунэ и покинул храм Ацута.

В размышлениях о том, что предстоит, миновал он при отливе Наруми, перешел через восемь мостов Яцухаси в провинцию Микава и ввечеру обозрел мост через бухту Хамана в провинции Тотоми. Много было у него на пути знаменитых мест, коими любовались в былые лета столь славные мужи, как Аривара-но Нарихира и Ямакагэ-но тюдзэ, но все это занимает, когда легко на сердце, а когда заботы одолевают, то и знаменитые пейзажи ни к чему. Так прошло несколько дней, он перевалил через гору Уцу и выехал на равнину Укисима, что в провинции Суруга.

О встрече с Аносским Монахом

Он сообщил о себе своему единоутробному брату Аносскому Монаху по прозвищу Сви-репое Преподобие. Аносский Монах обрадовался чрезвычайно. Он принял Ёсицунэ с любовью и лаской, и, когда сидели они друг против друга и вели беседу о минувшем, плакал навзрыд.

– Удивительно! – говорил он. – Два года было тебе, когда нас разлучили. Тринадцать лет я не знал, где ты и что с тобой. И радостно мне теперь, что ты стал таким взрослым и замыслил великое дело. Хотел бы и я пойти с тобою плечом к плечу на беду и удачу, но ныне я постигаю учение Шакьямуни, место мое в келье наставника, и я выкрасил три мои одежды в черный цвет. Не мне облачаться в доспехи и носить оружие, так что не последую я за тобою. И еще: кто будет молиться за блаженство души нашего покойного родителя? И еще: желаю я возносить моления за преуспеяние отпрысков нашего рода. Но все равно грустно мне расставаться с тобою так скоро, не пробыв вместе хотя бы месяца. Вот и хёэ-но скэ Ёритомо пребывает совсем неподалеку, в Ходзё в провинции Идзу, но его стерегут столь крепко, что сноситься с ним не могу. Слышу только, что он совсем рядом, а обменяться письмом нельзя. Не знаю, как тебе нынче увидеться с ним, так что лучше всего напиши письмо, а уж я от себя постараюсь своими словами ему передать.

Ёсицунэ написал и оставил письмо и в тот же день достиг главного города провинции Идзу.

Там, когда наступила ночь, вознес он такое моление:

– Наму, великое и пресветлое божество храма Мисима, гонгэн Сото в храме Идзуяма и Китидзё-комагата в храме Асигара! Исполните мою просьбу, пусть я встану во главе трехсот-тысячного войска! Если же нет, пусть не стронуться мне ни на шаг к западу от этой горы!

Поистине, страшна была эта решимость в расцвете его юности, в его шестнадцать лет!

Он проехал заставу Асигара, миновал стороной Колодец Хориканэ на равнине Мусаси, бросил взгляд на места, где некогда грустил по дому преславный Аривара-но Нарихира, а затем вступил в провинцию Симоцукэ и остановился в селении Такано. С уходящими днями все дальше становилась столица и все ближе придвигались Восточные земли, и в ту ночь воспоминания о столице овладели им. Он спросил хозяина постоялого двора:

– Что это за провинция?

– Симоцукэ, – ответил тот.

– Здесь земля уезда или чье-либо поместье?

– Поместье из владений рода Симокавабэ.

– А кто владелец этого поместья?

– Мисасаги-но хёэ, старший сын Мисасаги-но скэ и дядя по отцу младшего государственного советника Синдзэя, убитого в мятеже Хэйдзи.

О том, как Ёсицунэ спалил усадьбу Мисасаги

Было это в храме Курама, когда Ёсицунэ исполнилось девять лет; он сидел на коленях у настоятеля Токобо, а настоятель беседовал с неким гостем. И сказал гость:

– Экие чудные глаза у этого мальчика. Поведайте мне, чей он родом?

– Это отпрыск императорского конюшего левой стороны, – ответил Токобо.

– Вот как? Ну, много хлопот доставит он дому Тайра в предбудущем времени. Сохранить таким людям жизнь и оставить их в Японии – да это все равно, что вскормить тигров и выпустить их на широкие поля! Ведь, войдя в возраст, он непременно поднимет мятеж. Слышишь, мальчик? При каком-нибудь таком случае не забудь обратиться ко мне. Мой дом во владениях Симокавабэ, что в провинции Симоцукэ.

Гостем был, конечно, Мисасаги, и теперь, вспомнив его лестные слова, Ёсицунэ подумал: а не проще ли обратиться за помощью к нему, нежели продолжать путь в далекий край Осю? Он сказал Китидзи:

– Поезжай вперед и жди меня в Муро-но Ясуме. Я повидею кое-кого, а потом нагоню тебя.

И он отправился к Мисасаги, а Китидзи скрепя сердце тронулся дальше дорогой в край Осю.

Подъехав к резиденции Мисасаги, Ёсицунэ увидел, что хозяин ее не иначе как преуспевает, ибо у ворот стоит на привязи немалое число оседланных лошадей. Он заглянул внутрь: там толпились человек пятьдесят старых и молодых челядинцев. Он поманил одного и сказал:

– Ступай доложи обо мне.

– А ты откуда?

– Из столицы, там я встречал твоего господина.

Челядинец пошел и доложил.

– Что за человек? – спросил его Мисасаги.

– С виду весьма достойный.

– Раз так, зови сюда.

Когда Ёсицунэ вошел, Мисасаги сказал:

– Поведайте, кто вы такой.

– Мы встречались, когда я был маленьким, – произнес в ответ Ёсицунэ. – Вы, наверное, забыли меня. У настоятеля Токобо в храме Курама вы предложили обратиться к вам, когда я начну свое дело. И я явился с надеждой на вас.

Выслушав его, Мисасаги в смятении подумал: «Экая напасть на мою голову! Мои взрослые сыновья все в столице и состоят при особе Сигэмори, старшего сына великого министра. Если я примкну к Минамото, они пропадут ни за грош».

Поразмыслив несколько времени, он сказал так:

– Рад вас приветствовать. Благодарю за доверие. Однако примите во внимание: вы вкупе с братьями вашими за мятеж Хэйдзи были обречены казни, и Киёмори волею своей удостоил вас пощады только лишь потому, что приблизил к себе некую особу из павильона на углу Сюдзяку и Седьмого проспекта. И хоть неведомы сроки ни молодым, ни старым, но стоит ли вам затевать что-либо, пока жив Киёмори?

Выслушав его, Ёсицунэ подумал: «Ведь эта мразь – первый в Японии дурак и трус!» Однако сила была не на его стороне, и с тем тот день и кончился. Тогда Ёсицунэ сказал себе: «Раз пользы от него никакой, то и жалеть его нечего». Глубокой ночью он поджег дом Мисасаги, да так, что спалил весь дотла, а сам скрылся, подобно тени во мраке.

Он рассудил, что задуманной дорогой проехать ему вряд ли удастся, ибо на равнину Ёкота, в Муро-но Ясиму и на заставу Сиракава пошлют людей ему наперехват. Поэтому он

пустил коня вдоль реки Сумида и бросил поводья: быстроногий конь, проделав двухдневный переход всего за один день, домчал его до места под названием Итахана в провинции Кодзукэ.

Как Исэ Сабуро стал вассалом Ёсицунэ

День уже клонился к вечеру. Ёсицунэ узрел толпу жалких хижин, но места, где он мог бы провести ночь, не было. Проехав несколько дальше, однако, обнаружил он достойное строение. Вид оно являло изящный и окружено было бамбуковой изгородью с калиткой из кипарисовых досок. Имелся там и искусственный пруд, по берегу которого теснились птицы; любясь и восхищаясь отменным вкусом хозяев, вступил он во двор, приблизился к веранде и позвал:

– Прошу кого-нибудь из дома!

Вышла служанка лет двенадцати и спросила:

– Чего изволите?

– Разве нет в этом доме кого-либо постарше тебя? Если есть, пусть выйдет, и мы поговорим.

Служанка удалилась и доложила. По прошествии короткого времени за раздвижной перегородкой появилась изящная дама возрастом лет восемнадцати.

– Что вам угодно? – осведомилась она.

– Я из столицы, – сказал Ёсицунэ, – и направляюсь в Восточные края навестить в Тако одного человека. Места ваши мне незнакомы, а между тем скоро стемнеет. Прошу пристанища на ночь.

Дама на это ответила:

– Просьба ваша не затруднила бы нас, но хозяин в отлучке и вернется лишь поздно ночью. В отличие от прочих, человек он весьма сварливый, и невозможно сказать, как он к вам отнесется. Для вас это прискорбно, но делать нечего, придется вам искать другой ночлег.

– Если хозяин, явившись, выкажет досаду, я тотчас удалюсь в чистое поле, где одни лишь тигры ночуют, – возразил Ёсицунэ, и дама смешалась. – А он продолжал: – Дайте же мне пристанище лишь на одну эту ночь. Кто я? Лишь тот постигнет меня, кто постиг и запах, и цвет.

С этими словами он спокойно прошел в помещение для стражи. Озадаченная дама вернулась во внутренние покои и спросила старших:

– Что же теперь делать?

– Даже те, кто однажды напились из одного ручья, связаны были в прежних рождениях, – ответили ей старшие. – Ничего страшного не случилось. Только не подобает ему оставаться в помещении для стражи. Пригласи в дом и помести в малой комнате.

Ему принесли разные сласти и поднесли сакэ, но он и не взглянул на угощение. Удаляясь в свои покои, дама ему сказала:

– Хозяин дома сего превосходит злонравием всех на свете. Ни в коем случае не попадайтесь ему на глаза. Потушите светильник, неплотно задвиньте двери и ложитесь поживать, но как только заголосят петухи, сейчас же уходите своею дорогой.

Ёсицунэ обещал, а про себя подумал: «Каков же супруг у этой дамы, что она его так страшится? Мисасаги, я думаю, пострашнее, а усадьбу ему я спалил и пеплом развеял. Ладно, тем лучше, добрая дама оказала мне гостеприимство, и если только этот ее супруг, возвратившись, напустится на нее, то для чего же у меня меч? Как раз на такой вот случай!» Он обнажил меч, сунул его под мышку и стал ждать, прикрыв лицо рукавом и притворившись спящим. И дверь он не задвинул, хоть ему было сказано, а оставил распахнутой... и светильник не погасил, хоть ему было сказано, а, напротив, вытянул повыше фитиль; и чем глуше становилась ночь, тем несносней казалось его ожидание.

Только в час Крысы вернулся хозяин. Ёсицунэ видел, как он толчком распахнул калитку из кипарисовых досок и направился к дому. Было ему всего лет двадцать пять, поверх одежды с узором в виде опавших тростниковых листьев облегал его желто-зеленый шнуrowанный панцирь в мелкую пластину, имел он у пояса меч и опирался на огромное копьё с изогнутым

лезвием. И шли за ним несколько столь же грозных молодцов; один сжимал в руках секиру с вырезом в виде кабаньего глаза, другой – боевой серп с выжженным по лезвию узором, этот алебарду с лезвием в форме листа камыша, а тот боевое коромысло или булаву с шипами. «Внушительное зрелище, – подумал Ёсицунэ, их разглядывая. – Выступают, подобно Четверым Небесным Царям. Не удивительно, что женщина так страшится. А этот молодчик, видно, не обделен отвагой!»

Сбросив обувь и войдя в дом, хозяин узрел в малой комнате незнакомца. Глаза его широко раскрылись, некоторое время он стоял как вкопанный, уставясь на Ёсицунэ подозрительным взглядом. А тот быстро привстал, взялся за меч, спрятал его под колено и произнес:

– Поди-ка сюда!

«Здесь дело нечисто», – решил хозяин. Не ответив, он с шумом задвинул двери и быстрым шагом прошел в опочивальню супруги. «Сейчас он на нее напустится», – подумал Ёсицунэ и, прижав ухо к стене, стал слушать.

– Эй, жена, жена! – затормошил хозяин спящую супругу.

Некоторое время была тишина. Затем дама, видимо, пробудилась и отозвалась сонным голосом:

– Что такое?

– Кто это спит в малой комнате?

– Не знаю. И он нас не знает.

– Как же тыпустила в дом человека, которого не знаешь и который не знает нас? – злобно сказал хозяин, и Ёсицунэ подумал: «Вот оно, начинается».

Дама ответила:

– Я не знаю его, и он нас не знает – это так. И хотя он жаловался, что уже темнеет, а путь ему предстоит долгий, все же я поначалу отказала ему, ибо не знала, что скажете вы, если мы впустим его без вашего дозволения. Он сказал, что лишь тот постигнет его, кто постиг и запах, и цвет. Я смутилась и дала ему ночлег в нашем доме. Как бы там ни было, он здесь всего на одну ночь, и ничего худого не случится.

Хозяин кивнул и спорить не стал, а сказал только:

– Эх, милая моя. И видом ты неказиста, как та самая длиннохвостая сова из Сига, и нравом настоящая деревенщина с Дикого Востока. Услыхала о тех, кому ведомы и цвета, и ароматы, и тут же размякла,пустила в дом незнакомца. Ладно, так и быть, худа от этого ждать не приходится, пусть себе ночует.

Ёсицунэ подумал: «Сколь своевременно явили ему свою милость боги и будды! Если бы он учинил брань, получилась бы у нас большая драка». А хозяин продолжал:

– Как ни посмотри, а господин этот не из заурядных людей. И сдаётся мне, что дня три или самое большое неделю назад он попал в какую-то переделку. А впрочем, таким отверженным, как я и он, не привыкать к бедствиям и гонениям. Пойду-ка и поднесу ему вина.

Он тут же приказал подать всевозможные сласти, послал служанку с бутылками и, явившись вслед за супругой в малую комнату, предложил гостю выпить. Когда же Ёсицунэ наотрез отказался, хозяин сказал так:

– Пейте вино, прошу вас. Я вижу, вы чего-то опасаетесь. Конечно, мы по виду люди низкого звания, но, пока я жив, вас здесь будут охранять и защищать надежно. – И он воззвал: – Эй, кто там, ко мне!

Вышли молодцы, подобные Четверым Небесным Царям.

– Я принимаю бесценного гостя, – объявил им хозяин. – Ему угрожает опасность, а потому я приказываю никому нынче ночью не спать, всем хорошенько стоять на страже!

– Будет исполнено, – ответили они и встали на страже, то пуская гудящие стрелы, то щелкая тетивами вхолостую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.